

Производство власти: от интимного к социальному

Как известно, степень демократичности общества определяется невмешательством власти в частную жизнь граждан. В данном случае, это классическое понимание власти как идеологического, подконтрольного разуму феномена, где властью обладает определенный субъект, в данном случае, государство. Но не секрет, что уже со времен М. Фуко власть понималась не на макро, а на микро уровне социальной жизни. В том же неклассическом ключе продолжает исследование власти и современная гендерная теория.

В данной статье мне хотелось бы затронуть лишь некоторые способы производства власти, ее осуществления на уровне современных семейных отношений, о которых говорят гендерные теоретики. Американская исследовательница *Джессика Беньямин* в книге «*Узы любви*» связывает психоанализ с социальной критикой доминирования и властной асимметрии, а также с гендерными отношениями. *Джессика Беньямин* объясняет, почему люди принимают отношения доминирования и подчинения как сами собой разумеющиеся, и обнаруживает, что доминирование - это сложный психологический процесс, который затрагивает обе стороны данного отношения (и субъект, и объект).

Беньямин полагает, что власть начинает осуществляться с того момента, когда мы принимаем отношения раба и господина, она показывает, что знаменитая диалектика Гегеля вполне пригодна для объяснения исторически сложившихся отношений между мужчинами и женщинами. «Гегель анализирует ядро этой проблемы в своем обсуждении борьбы между независимым и зависимым самосознанием и ее кульминацией в отношениях раба и господина. Он показывает, как желание личности абсолютной независимости сталкивается с необходимостью индивида в признании. В дискуссии Гегеля встречаются две гипотетических личности (самосознание и другой, кто тоже является самосознанием). Движение между ними есть движение признания, каждый существует благодаря признанию другого, то есть, будучи признанным. Но для Гегеля очевидно, что взаимность в признании друг друга, напряженность между признанием себя и признанием другого должна рухнуть, и она обречена провоцировать неизбежный конфликт. Разрушение этого напряжения ведет к доминированию» [*Benjamin J. The Bonds of Love, Psychoanalysis Feminism and the Problem of Domination, Pantheon books New York, 1999, P. 110*].

Индивид переживает себя как абсолют, и потому ищет способ утверждения себя через другого. Эта абсолютность Эго служит базисом отношений раба и господина. Исторически сложилось так, что положение раба занимала женщина, а положение господина - мужчина. Следствие этого - ассоциирование женской роли с мазохизмом, а мужской - с садизмом.

Дело в том, что проблема отношений раба и господина накладывает отпечаток на *идентичность женщины*. Беньямин отмечает, что субъектом считается мужчина, а объектом женщина. «Дополнением к отказу мужчины признавать другого является принятие женщиной недостатка собственной субъективности, ее готовность предлагать признание, не получая того же взамен (Классический идеал материнства - это образец самоотречения). Затруднение женщин в дифференциации может быть описано почти как зеркальное отражение мужского: не отрицание Другого, но отрицание себя. Так факт женского материнства объясняет не только мужской садизм, но также обнаруживает «ложную линию» в женском развитии, которая ведет женщину к мазохизму» [Там же. P. 80].

Независимость женщины становится, таким образом, весьма проблематичной. Справедливо будет отметить, что и в процессе формирования идентичности мужчины производится власть. Об этом пишет *Нэнси Чодоров* в своей книге «*Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола*».

Чодороу утверждает, что "уже тот факт, что мужчину воспитывает женщина, становится причиной конфликта с маскулинностью, причиной психологии мужского доминирования и причиной необходимости быть в *превосходном* положении по отношению

к женщине" [Ненси Ч. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 31]. В результате, мужчине, чтобы стать мужчиной, необходимо отринуть женственность, то есть сформировать ее негативный образ, и усвоить роль отца. Чодороу считает, что первичная социализация ребенка *любого пола* связана с идентификацией с матерью и усвоением женских семейных ролей: «Поэтому становление мужчины сложнее, чем женщины, из-за тех сдвигов в идентификации, которые должен пройти мальчик для достижения ожидаемой половой идентификации и осуществления соответствующей полу роли» [Там же. С. 33].

Чодороу критикует неравное участие мужчин и женщин в воспитании детей и приходит к выводу, что исключительно женское материнство имеет своими последствиями как различие психики мужчин и женщин, так и воспроизводство структуры общества, в котором они обладают неравными статусами. Кроме воспроизводства материнства, большую роль в формировании гендерной асимметрии играет и сама культура, «власть знания», если сослаться на Фуко. Джейн Гэллоп в своей книге *«Думая телом»* [Gallop J. Thinking Through The Body, Columbia University Press, 1988] говорит о том, что для европейской мысли стала классической дихотомия разум-тело, где тело носит явно вторичный характер, что приводит к невротическому разрыву между миром науки, философии, активной политической деятельности и миром домашнего хозяйства, воспитания детей. В качестве подтверждения своей мысли, Гэллоп приводит идеи маркиза Де Сада, которые он высказывает в своей «Философии в будуаре»: «Де Сад называет своих монстров (героев) философами. Его философы ненавидят матерей. По Де Саду, женщины могут быть философами. Женщины-«философы» предпочитают анальный секс, они являются экспертами по контрацепции и абортam, практикуют детоубийство, в книгах Де Сада *философ никогда не становится матерью*. «Философия в Будуаре» достигает апогея в сцене казни матери. Прочитав «Философию в будуаре», Люси Иригарей предположила, что книга «разоблачает сексуальность, которая лежит в основе всего нашего социального порядка» [Там же. Р. 3].

Вообще, расщепление на сознание и тело восходит к классическим европейским дихотомиям: разум-чувства, рациональное-иррациональное, мужское-женское, и является, как полагает Дж. Бенъямин, продуктом мужской рациональности. Последствием мужской рациональности является исчезновение взаимопонимания в обществе, а это уничтожает «материнские» аспекты нашего социального существования, а именно, заботу и сочувствие в наших коллективных ценностях, действиях и институтах. «Мы должны обнаружить чудовищность этой потери, если мы хотим когда-нибудь снова вернуться из лабиринта доминирования к *взаимному признанию* между людьми» [Benjamin J. The Bonds of Love, Psychoanalysis Feminism and the Problem of Domination, Pantheon books New York, 1999. P. 218].

Таким образом, можно наблюдать явный переход власти из «семейных уз» в более широкий политический и социальный контекст. Читая гендерных теоретиков, ощущаешь убедительность аргументов в пользу того, что власть укоренена в самом сердце семейных отношений и осуществляется через самые «человечные», интимные связи: мужчина-женщина, мать-ребенок. Несмотря на «формальное» равенство мужчин и женщин, как отмечает вопрос о том, будет ли трансформироваться гендерная асимметрия, остается открытым и требует значительных изменений в обществе.